

жизни как совокупности страдания в борьбе с всевластным случаем. В разборе каждой из этих трагедий критик развивает свою основную мысль о противоположении мысли и действия, философии и жизни и связывает ответы, которые дает драматург, с собственной психологией Шекспира, с тем, что он понял в себе значение трагедий в жизни.

Такова основная мысль Шестова в его толковании Шекспира. В ней, конечно, много спорного, но изложенная горячо и убедительно, она интересна в своей оригинальности. Нам кажется, что в психологическом отношении критик прав, что в самом деле писатель, испытавший сам на себе трагедию сомнений и падений, тем глубже может проникнуть в смысл жизни. Но эта правда — психологическая, а не отвлеченно философская, понимание страданий и переживание их есть только путь к правде, а не сама правда. Жизнь при всей ее полноте не заключает в себе конечного смысла бытия. Есть нечто, с чем она граничит и что становится понятным лишь в том случае, если уяснить себе связь между видимым и непознаваемым. Шекспир — психолог, объясняющий жизнь, но нужно пойти еще дальше и видеть в его изображениях отражение истины, лежащей вне жизни и ее понимания.

<Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ>

Георг Брандес. Шекспир, его жизнь и произведения. Том 1; Л. Шестов. Шекспир и его критик Брандес

Громкое имя автора дает возможность новой книге Брандеса обойтись без особенных рекомендаций: она в них не нуждается, но надо сказать правду, она и заслуживает их далеко не в такой степени, в какой их стоили прежние произведения датского критика и историка европейской литературы. Редактор русского перевода, сказав в похвалу ей, что она «считается как самый интересный культурно-исторический роман», в сущности, приблизил нас к жестокой правде: наше исследование Брандеса слишком похоже на роман: его «умение читать между строками» не раз переходит в вылавливание между строк Шекспира того, чего там по существу вовсе нет: автобиографических признаний и указаний. Неудивительно что книга, основанная на таком неустойчивом фундаменте, более близка к культурно-историческому роману, чем к научному исследованию. Но, что ж, роман — подходящая форма для гипотез и парадоксов, а гипотезы и парадоксы — лучший способ привлечь и увлечь обширный круг читателей. Брандес не всегда прав в своих взглядах на Шекспира, но он не только любит Шекспи-

ра, но и знает его — у нас же принято преклоняться в кредит: можно знать, можно и не знать. Знают то, что входит в репертуар заезжих трагиков, ищут драмы под названием «Фальстаф» и смешивают «Как вам угодно» и «Что хотите».

В этой атмосфере безразличия книга г. Шестова производит своеобразное и значительное впечатление; она проникнута таким серьезным, деятельным и горячим отношением к великому поэту, что захватывает даже там, где вас возмущают воззрения автора. Если хотите, это книга не о Шекспире и не о Брандесе: замечания о творчестве Шекспира и труде Брандеса — только форма, в которую, быть может и не случайно, уместились волновавшие автора мысли: это — рассуждения о нравственной философии, это бурный и, нам кажется, основанный на недоразумении протест против рационализма, это книга о себе, пожалуй, больше, чем о Шекспире; но за всем этим было бы несправедливостью не заметить тех резких и справедливых возражений, какие получают в работах г. Шестова теории Брандеса. Частные вопросы изучения Шекспира, занимающие датского критика, его не интересуют. Он предполагал лишь «выяснить, что видит Брандес в Шекспире и чем был Шекспир», — и надо сказать, в тех рамках, какие он себе поставил, это удалось ему. От маленького модернизованного Шекспира, созданного Брандесом по образу и подобию своему, он возвращает нас к Шекспиру поистине могучему и вечному, от сверхчеловека — к всечеловеку. Несмотря на хорошие знания, вложенные в книгу, от нее отдает не книжной ученостью, а свободной и пылкой мыслью, которая и заблуждается лишь потому, что не стоит на месте, а тянется вверх и ищет.

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

«Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше» Л. Шестова

Рекомендую вниманию читателя другую книгу — «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь)» Л. Шестова. Странная это книга. Интересная и красиво написанная, она написана точно где-то на облаках, и красивые контуры этих облаков местами заволакивают мысли автора, и с той высоты, на которой они плывут над землей, много на этой земле — в том числе в сочинениях Толстого и Ницше и во всем, что к ним относится — представляется автору в совершенно неверном освещении, фактически неверном. Так, например, г. Шестов утверждает, что «многие читатели готовы отрицать художественный гений за гр. Толстым. Им представляется, что назвать гр.